

Назаров П.В. ©

Магистрант, специальность «Юриспруденция»,
Университет «Туран», Республика Казахстан, город Алматы

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИЙ

Аннотация

В последние годы принцип самоопределения наций и народов начал новый виток развития. Это обусловлено как переосмыслением народами своего исторического происхождения, так и геополитической обстановкой в мире. Исследуемый принцип всегда вызывал жаркие споры между учеными-специалистами, поскольку он прямо противоречит другому немаловажному принципу – принципу территориальной целостности государств. После самоопределения Абхазии и Южной Осетии, после возвращения Крыма в состав Российской Федерации, многие народы, стремящиеся самоопределиваться, стали с новыми силами и возросшей надеждой говорить о необходимости реализации им принципа самоопределения народов.

Таким образом, представленная статья содержит авторскую позицию по анализу правовой природы принципа самоопределений народов.

Ключевые слова: право, самоопределение, принцип, народы, нации, международное право, международно-правовые аспекты.

Keywords: right, self-determination, principle, peoples, nations, international law, international legal aspects.

Право народов на самоопределение в современном мире получило достаточно широкое применение и распространение. Более того, оно закреплено в таких «твердых» источниках международного права, как Международный Пакт о правах человека, принятый в 1966 году, декларации Генеральной Ассамблеи ООН, документы межгосударственных и международных неправительственных организаций.

К праву народов на самоопределение часто обращаются в случаях этнических конфликтов и росту движений за независимость народов и наций.

Право на самоопределение народов развивалось на протяжении более чем двух веков, пройдя путь от «принципа» до «права».

Как справедливо отмечается в специальной литературе: «...в документах, принятых Организацией Объединенных Наций, идея самоопределения получила новую поддержку. Однако в ходе их принятия неоднократно возникали жаркие дискуссии, связанные с двойственностью толкований тех или иных терминов. Так, во время подготовки Устава ООН на VI заседании Комитета I Комиссии I на Конференции в Сан-Франциско 15 мая 1945 года рассматривалась поправка к пункту 2 статьи 1, в которой говорилось о «праве народов на самоопределение». Указанная поправка была отклонена, так как юристы увидели в ней множество противоречий и неясностей. Например, двояко мог толковаться термин «народы»: непонятно, что имелось в виду — национальные группы или группы, идентичные с населением государств» [1, р. 53-54; 2, р. 260].

Стоит отметить, что аналогичная позиция ученых наблюдалась и в отношении термина «нация». Это обусловлено тем, что некоторые специалисты предполагали, что положение о праве народов на самоопределение, которое выступало как основа дружественных отношений между нациями, способно создать правовые предпосылки для вмешательства извне.

В последующем, при проведении анализа значения таких предлагаемых принципов, как «равноправие» и «самоопределение» народов, стало очевидно, что «...это элементы одной нормы; их соблюдение есть основа для всякого развития; при этом существенным элементом «...» является свободное и подлинное изъявление воли народа, а не так называемое изъявление народной воли, какое имело место в последние годы в Германии и Италии для достижения определенных целей» [3, с.4].

В середине прошлого века, в послевоенном мире, идея о самоопределении народов, была закреплена в Уставе ООН, однако не в качестве «права», а лишь как «принцип». При этом важно отметить, что данный «принцип», все же применялся, хоть и косвенно, как к территориям, «...находящимся под опекой, так и к самоуправляющимся территориям» [3].

Идея самоопределения нашла реализацию и в иных документах ООН, например на VII сессии Генеральной Ассамблеи 16 декабря 1952 года была принята резолюция 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение». В указанной резолюции подчеркивалось, что «право наций на самоопределение является предпосылкой для пользования во всей полноте правами человека; каждое государство — член ООН должно уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом ООН; население самоуправляющихся и подопечных территорий имеет право на самоопределение, а государства, отвечающие за управление этими территориями, должны применять практические меры для реализации этого права» [4].

Принятие данной резолюции стало первым шагом на пути перерождения статуса идеи самоопределения с «принципа» до «права». В процессе данной сессии, также было решено создать Специальный комитет по изучению вопроса: «...достигли ли территории определенной степени самоуправления».

Решение этого вопроса осложнено тем, что ученые, занимающиеся проблемами самоопределения, так и не пришли к единому мнению относительно основных дефиниций, касающихся терминов «народ», «нация» и т.д. Более того, расхождение мнений по ряду аспектов института самоопределения, обусловлено противоречивостью накопленного опыта, спецификой дисциплинарных подходов и политическая ангажированность, а в центре внимания находятся проблемы, касающиеся определения политического статуса территорий, на которых проживают «самоопределяющиеся нации».

Несмотря на столь высокий уровень интереса ученых-юристов к институту самоопределения народов, до настоящего времени не выработано единой дефиниции, определяющей статус идеи о самоопределении народов в доктрине и практике современного международного права.

Так, ряд авторов считают, что «...право народов на самоопределение является высшей императивной нормой международного права *jus cogens*» (P.A. Тузмухамедов [5], H.Gros Espiell [6], K.Rupesinghe [7, p. 166-180]), другие убеждены, что «...право народов на самоопределения может признаваться только при определенных условиях и в увязке с другими правовыми нормами» (J.Crawford [8, p.18], A.Cassese [9, p. 356]).

Однако несмотря на «благой» характер института самоопределения народов, существует мнение, которое подкрепляется различными сепаратистскими движениями, согласно которому «...самоопределение народов является не правовым, а политическим или моральным принципом, ... а идея самоопределения народов не только не вписывается в правовое поле из-за отсутствия связанных с ней дефиниций, касающихся в первую очередь термина «народ», но и провоцирует деструктивные и не поддающиеся правовому регулированию процессы, такие, как сепаратизм и этнические конфликты, вступая тем самым в противоречие с целями Устава ООН» (A.Etzioni [10, p.34]).

Существует ряд специалистов полагающих, что «в соответствии с положениями международного права (наиболее четко зафиксированными в резолюции ГА ООН 2625 (XXV) 1970 года и Венской Декларации 1993 года) и сложившейся практикой право на «внешнее самоопределение» относится только к народам, находящимся в колониальной или

иной иностранной зависимости или в условиях иностранной оккупации (как население Западного берега реки Иордан)» [11].

Также имеется точка зрения, согласно которой «...в иных случаях «внешнее» самоопределение (сецессия) может считаться законной, если власти государства делают невозможным «внутреннее» самоопределение, то есть допускают массовые нарушения прав человека или систематическую дискриминацию, и если нет иного способа изменить сложившееся положение» [12, С. 143-153.].

С учетом имеющихся позиций, можно предположить, что практическая составляющая самоопределения выражается в проекции с «внешнего» на «внутренний» характер. Это объясняется необходимостью строительства правовых и демократических институтов, посредством которых у всех членов общества появиться реальная возможность участвовать в управлении и в распределении ресурсов.

А.Этциони, отмечая в целом весьма важную роль самоопределения, в то же время заметил, что «...оно не может трактоваться как абсолютная ценность, применяемая для всех. С помощью права наций на самоопределение, по его мысли, можно сделать мир более справедливым. Вместе с тем, несмотря на положительную роль этого права в предшествующие периоды, в настоящий момент оно не предстает уже перед мировым сообществом в своей первоначальной чистоте и часто поощряет сепаратизм и хаос» [10]. По его мнению, «...юристам надо предпринимать более энергичные действия и вводить ПНС в более четкие правовые рамки».

Директор Норвежского института прав человека А.Эйде подчеркивал, что «...существуют международные документы, тексты которых допускают широкое и неопределенное толкование идеи самоопределения. В то же время большинство юристов понимают право народов на самоопределение конкретно: народы могут реализовывать это право, только находясь в колониальной зависимости или под оккупацией» [13].

Исследуемый нами институт в толковании, предложенном ООН, считает М. Померанс, это «...концепция противоречивая и опасная, потому что изначально предполагает использование «двойных стандартов», что не поощряет конструктивные и мирные подходы к разрешению кризисов. Главная опасность заключается в возможности неконтролируемых односторонних действий. ПНС может выступать в качестве морального права или политического лозунга, но, стоя на реалистичных позициях, самоопределение нужно трактовать как длительный многосторонний процесс» [6].

Авторы Доклада Центра по правам человека и народов при Падуанском университете, представленного на вторую Хельсинкскую гражданскую ассамблею, проходившую в Братиславе в 1992 году, соглашаясь с другими специалистами, например А.Риго Суредо, отмечают, что имеет место «...внешний и внутренний характер самоопределения. Первым называется такой тип самоопределения, когда народы самостоятельно, без внешнего вмешательства, определяют свой политический статус в системе международных отношений: или создавать новое государство, или присоединиться, на федеративной или конфедеративной основе, к другому предсуществующему государству. Внутреннее самоопределение осуществляется в рамках одного государственного образования» [7].

Наличие двойного стандарта в правовой природе праве наций на самоопределение подчеркивал и Дж. Джекобсон, который приводил в качестве примера вторжение американских войск в Панаму: «...Эта войсковая операция нарушила демократическое право на самоопределение по отношению к жителям Панамы, хотя страна и управлялась чрезвычайно коррумпированным правительством. Президент Норьега был презираем большинством населения, которое сочувственно отнеслось к вторжению войск США, видя в них освободителей от ненавистного режима. Тем не менее, эта кампания подверглась осуждению, поскольку был нарушен национальный суверенитет Панамы и имело место вмешательство во внутренние дела государства» [8].

В данном случае, немаловажным представляется мнение М.Коскенниemi, полагающего, что «...требования реставрации, или государственно-политического

оформления, этнического сообщества являются «миной замедленного действия», способной взорвать внутригосударственное благополучие и привести к конфликту между общинами-соперницами» [9].

В данном случае не вызывает сомнений сложность в определении, какая из подобных «общин» имеет больше прав на этническое самоопределение, а какая не «достойна» этого.

В случае предъявления подобных требований, имеет место выдвижение контраргументов, согласно которым сохранение большого сообщества необходимо, так как разрушение территориальной интеграции аналогично ведет к нарушению прав народов на самоопределение.

Анализируя современное состояние правовых норм в области самоопределения, Антонио Кассезе приходит к выводу, что «применение этого права для решения текущих проблем в Европе и других регионах следует несколько ограничить. А, недавний опыт в бывшей Чехословакии и бывшей Югославии показал, что гарантия областной автономии или предоставление права на самоопределение национальным меньшинствам может легко привести к распаду государственного единства» [10].

Как отмечает Остеруд О.: «...существует дилемма в концепциях суверенитета и права, причем идея всеобщих прав человека — на стороне необязательного права. С другой стороны, принцип наций на самоопределение колеблется внутри этой дилеммы. К нему вызывают суверенные государства, когда им угрожают внешние силы, к нему же вызывают внутренние силы, стремящиеся к автономии или отделению, которым угрожают репрессии государственных властей. Требование самоопределения с одной стороны постоянно сталкивается с соответствующими требованиями с другой. Соображения порядка, исходящие из того факта, что международные отношения основаны на государственной системе, больше склоняются в пользу суверенитета» [14, p.25].

Сложная ситуация с самоопределением имеет место и в случае с присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 году.

Противоречивость ситуации обостряется и тем, что до сих пор нет четкой дефиниции в решении вопроса о том, как должно трактоваться понятие «народ», то есть, что необходимо брать за основу: «этническое сообщество» или «территориальное сообщество».

Мы склонны поддержать точку зрения последних, поскольку на той или иной территории концентрируется особое мировоззрение, касающиеся всех аспектов жизнедеятельности как каждого отдельно взятого индивида, так и всего сообщества, населяющего определенные территории или административные образования.

Таким образом, можно констатировать, что если индивид имеет право определять свою судьбу, то и группа индивидов имеет право решать судьбу данной группы. Соответственно, являясь коллективным решением – решение самоопределяться или входить в состав того или иного государства дает все основания на реализацию права на самоопределение в том контексте который выгоден конкретной нации – группе индивидов.

Литература

1. Jacobson J. Notes on self-determination // *New Politics: A journal of socialist thought*. - Summer 1992. - Vol. IV. - N 1. - P.53–54.
2. Koskenniemi M. National self-determination today: Problems of legal theory and practice // *International and comparative law quarterly*. - April 1994. - Vol.43. - Part 2. - P.260.
3. Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие на основе документов ООН. - Нью-Йорк.: ЭКОСОС ООН, 1981. - 157 с.
4. Резолюция «Право народов и наций на самоопределение» A/RES/637(VII) от 16 декабря 1952 года // Официальный сайт Организации Объединенных наций / <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/637%28VII%29>
5. Тузмухамедов Р.А. Ответ клеветникам. Самоопределение народов Средней Азии и международное право. - М.: Междунар. отношения, 1969. - 192 с.

6. Gros Espiell H. Special Rapporteur: The Right to Self-Determination: Implementation of United Nations Resolutions, Study for the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. // U.N. Doc. E/CN.4/Sub. 2/405/Rev.1 - New York: United Nations, 1980. – P. 10.
7. Information Aspects of Humanitarian Early Warning, in K. Rupesinghe, M. Kuroda (eds.) Early Warning and Conflict Resolution. - New York: St. Martin's Press. - P. 166-180.
8. Crawford J. Outside the colonial context // Self-determination in Commonwealth. – Aberdeen, 1988. - P. 18.
9. Cassese A. Self-determination of people: A legal reappraisal. - Cambridge University Press, -1995. – 396 p.
10. Etzioni A. The evils of self-determination // Foreign Policy. - № 89. - Winter1992—1993. - P.21-35.
11. Право народов на самоопределение: идея и воплощение // Сост.: Осипов А.Г. / Ред.кол.: Даниэль А.Ю., Еремина Л.С., Касаткина Т.И., Кораллов М.М., Охотин Н.Г., Рачинский Я.З., Рогинский А.Б. – М., 1997. – 222 с.
12. Малов Д.В. Принцип равноправия и самоопределения народов в системе современного международного права: особенности толкования и проблемы субъектности / Вестник международных организаций. – М., 2013. № 2 (41). – С. 143-153.
13. Эйде А. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств: «Возможные пути и средства облегчения мирного и конструктивного решения проблем, связанных с меньшинствами». // Второй доклад о проделанной работе. - Документ ООН E/CN.4/Sub.,-1992. - 34 с.
14. Остеруд О. Суверенная государственность и национальное самоопределение // Этнографическое обозрение / Перевод Ш.А. Богиной. -1994.- № 2. – С. 18-26